

Николай Семёнович Лесков

**Алексей Петрович
Ермолов**

Николай Лесков
Алексей Петрович Ермолов

«Public Domain»

1869

Лесков Н. С.

Алексей Петрович Ермолов / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1869

«Недавно, представляя нашим читателям биографический очерк графа Милорадовича, мы обещали вслед за ним напечатать очерк другого известнейшего и популярнейшего лица, генерала Алексея Петровича Ермолова. Исполняем это обещание, заимствуя почти все наши сведения из интереснейшей статьи г. Дубровина, помещенной в ноябрьской книжке “Военного сборника”...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Семенович Лесков Алексей Петрович Ермолов (биографический очерк)

Недавно, представляя нашим читателям биографический очерк графа Милорадовича, мы обещали вслед за ним напечатать очерк другого известнейшего и популярнейшего лица, генерала Алексея Петровича Ермолова. Исполняем это обещание, заимствуя почти все наши сведения из интереснейшей статьи г. Дубровина, помещенной в ноябрьской книжке «Военного сборника».

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, добротою, простотою и ласковостию в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем; но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образованию, — мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиной своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного — человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл *орлом*, а лейб-медик Вилие характеризовал, как «*homme aux grands moyens*».¹

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частию Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцеляриею графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первоначальным учителем А. П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

¹ Человека с большими возможностями (*франц.*)

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левина. Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шар патанами или невеждами.

– Бедное состояние семьи моей, – говаривал Ермолов, – не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени. (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною.)

– Шарлатаны, – говаривал он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: *Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants!*² – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж.

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полустолетия. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н. Н. Раевский, представившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллериею. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение, стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменил расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтальной службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

² Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.